

Безмолвна трапеза была.
 Къ стѣнѣмъ налѣво два стола
 И пыльных кресель полукругъ—
 Издѣлье иноческихъ рукъ—
 Блистали тканью парчевой,
 Въ большія окна свѣтъ дневной,
 Врываясь бѣлой полосой,
 Дробясь въ искры по стеклу,
 Игралъ на каменномъ полу.
 Рѣзбою мелкою стѣна
 Была искусно убрана,
 И на двери въ кружкахъ златыхъ
 Блистали образа святыхъ.
 Тяжелый, низкій потолокъ
 Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
 Усердный инокъ... жалкій трудъ,
 Отнявшій множество минутъ
 У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ:
 Искусства горестный удѣлъ!

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
 Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
 Бояринъ Орша. Иногда
 Усы сѣдые, борода,
 Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
 Вдругъ отливались серебромъ;
 И часто кудри старика
 Отъ дуновенья вѣтерка
 Приподымались слегка.
 Движеньемъ пасмурныхъ очей
 Нерѣдко онъ искалъ дверей,
 И, въ нетерпѣній, корой
 Онъ по столу стучалъ рукой:

Въ концѣ противномъ залы той,
 Одишь, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
 Покрѣпъ одеждою раба,
 Стоялъ Арсеній у столба.
 Но въ молодомъ лицѣ его
 Вы не нашли бѣ ни одного
 Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
 Кружится, вьется надъ душой
 Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
 Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
 Съ холодной важностью лица,
 И метить хоть этимъ до конца?
 Иль онъ невольнo въ этотъ мигъ
 Глубокой мыслію постигъ,
 Что онъ въ цѣпи существовъ давно
 Едва ль не лишнее звено?..
 Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
 На голубыя небеса:

Его манила ихъ краса;
 И кудри легкихъ облаковъ,
 Небесъ серебряный покровъ,
 Неслись свободно, быстро тамъ,
 Кидая тѣни по холмамъ.
 И онъ увидѣлъ: у окна,
 Заботой рѣзвою полна,
 Летала ласточка—то внизъ,
 То вверхъ, подъ каменный карнизъ

Кидалась съ дивной быстротой
 И въ щели пряталась сырой;
 То, взвившись на небо стрѣлою,
 Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
 И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
 Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
 Съ природой жизнію одной.
 Блеснули тусклые глаза,
 Но этотъ блескъ былъ—не слеза;
 Онъ улыбнулся, но жестокъ
 Въ его улыбка былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
 Невнятный говоръ голосовъ,
 Скрипъ отворяемыхъ дверей...
 Они!—вошли!—Толпа людей
 Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
 Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
 Согбенный тягостью веригъ,
 Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
 Отецъ-игуменъ.—Сорокъ лѣтъ
 Ужъ онъ не зналъ, что Божій свѣтъ;
 Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
 Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
 Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
 И крестъ держалъ передъ собой;
 И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
 Алмазами и жемчугомъ.
 И трость игумена была
 Слоновой кости, такъ бѣла,
 Что лишь съ сѣдой его бородой
 Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
 И плѣнника подвѣсть велѣлъ,
 И одного изъ чернецовъ
 Позвалъ по имени: суровъ
 И холоденъ былъ видъ лица
 Того святого чернеца.
 Потомъ игуменъ, наклонясь,
 Сказалъ боярину, смѣясь,
 Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
 На сей вопросъ или совѣтъ
 Кивнулъ бояринъ головою...
 И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
 И понялъ данный знакъ монахъ—
 Упрекъ, готовый на устахъ,
 Словами книжными убралъ
 И такъ преступнику вѣщалъ:
 «Безумный, бранный сынъ земли!
 Злой духъ и страсти привели
 Тебя медовою тропой
 Къ границѣ жизни сей земной.
 Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
 Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
 Простить не можетъ судъ земной,
 Но въ небѣ есть Судія иной:
 Онъ милосердъ, Ему теперь
 При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ—благодарю.